

БЫЛИННОЕ ФАНТЕЗИ

БЫЛИННОЕ ФАНТЕЗИ

Александр МАЗИН

а также:

Андрей Ермолаев

Наталья Ильина

Алексей Келин

Марина Крамская

Анна Мезенцева

Владимир Орестов

Между Явью и Навью

Москва

Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
М43

Руководитель проекта *Александр Прокопович*

Концепт-редактор *Александр Мазин*

Дизайн и рисунки на обложке: *Светлана Сапега*

М43 **Между** Явью и Навью: сборник / Андрей Ермолаев, Наталья Ильина, Алексей Келин, Марина Крамская, Александр Мазин, Анна Мезенцева, Владимир Орестов; под общей редакцией Александра Мазина.— Москва: Издательство АСТ, 2022.— 380, [2] с. (Былинное фэнтези).

ISBN 978-5-17-149798-9

«Грядут страшные времена, сбывается пророчество Бояново: истончится Грань Миров и падет Тьма на землю Русскую». Так сказал великому князю киевскому Мстиславу Владимировичу, последнему из рода, последний из великих чародеев Черномор.

Пришло время невозможного. Время, когда на одной стороне окажутся христианские священники и жрецы языческих богов. Когда богиня Жизни и богиня Смерти забудут о распрах.

Тьма надвигается.

Скачут по беспокойной, измученной усобицами Руси гонцы великого князя, везут в заговоренных сумах священные амулеты.

Много будет жаждущих заполучить такой, но лишь истинным богатырям суждено обладать ими.

И не по силе рук будут избраны они, а по силе подлинной и истонной — силе Духа.

Иным не сдюжить, когда падет Грань Яви и Нави и нависнет над миром живых смертная тень Нагльфара, Корабля Мертвецов.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-149798-9

© Авторы, текст, 2022
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Мстислав, великий князь киевский по праву меча и родства, прищурясь глядел на клубящуюся Тьму.

— Держится Кромка? — спросил он не поворачивая головы.

— Держится. До времени.

Его спутник, широкий в плечах, но худой, будто высушенный, воином не был. В обычном понимании. Но страшились его более, чем самого грозного богатыря.

Имя его было — Черномор. Черная Смерть. Смерть многих. Неотвратимая и страшная.

Назвали его так печенеги. И — прилипло. И стало гордостью.

Как говаривал Олег Вещий, сначала наставник, а потом друг Черномора: «Мы, стражи, добро для Руси. И нам должно быть страшней тех, кто зло. Иначе как победить?»

Он был мудр, Олег Вещий. И жил в те времена, когда Тот, Который Есть Любовь, еще не пришел на Русь.

Иногда Черномору думалось: лучше бы и не приходил. Чтобы никто не усомнился: есть только один путь — большей силы и большего страха.

© Александр Мазин, текст, 2022

— Митрополит Михаил сказал: «Христос спасет»,— без особой уверенности проговорил великий князь.

Черномор промолчал. Но Мстислав его и без слов понял.

Не Христос помог Мстиславу, когда тот умирал от волшбы брата. Брата, которого он пощадил там, на поле близ Листвена.

Черномор спас. Обратил проклятие на проклявшего — и перешла мучительная смерть с одного брата на другого.

Но правы и христиане, когда говорят: зло порождает еще большее зло. Сгинул во тьме Ярослав Хромец. И, захлебываясь кровавой рвотой, умирая той смертью, что была уготована Мстиславу, успел-таки ненасытный братоубийца выхаркать последнюю волю: «Я вернусь!»

И вот он возвращается.

Спасет ли Тот, Кто сказал: «Каждому воздастся по вере его»?

Но крепка ли вера в Него на Руси?

Черномор знал ответ. Была б крепка — не истончилась бы Кромка меж Явью и Навью и не полезли бы мертвые в мир живых.

К счастью для мира, не одной лишь людской верой жива Русь, но — кровью верных.

К счастью для Руси, но не для них.

— Кровь отворяет врата, кровь их и закроет,— сказал Черномор Мстиславу три месяца назад, глядя на закатное небо с дозорной башни киевского детинца.— Кровь богатырей. Призови их, чтоб были они с нами, когда настанет срок.

— А когда он настанет? — спросил тогда Мстислав.

— По Боянову стиху, беда придет после Купалина дня,— ответил Черномор.

— Скоро совсем,— проговорил великий князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым, и поежился, будто стало вдруг холодно под собольим плащом.

— Скоро,— согласился Черномор.— Ежегодно вижу его во сне.

— Брата моего? — спросил Мстислав.

— Нагльфар. Корабль мертвецов. Брат твой — тоже на его палубе. Вместе со своими нурманами.

— Мы убили их однажды! — жестко произнес Мстислав.— Убьем еще раз, если понадобится!

— Так и будет,— не стал спорить Черномор.— А пока вели гриди своей капищ более не жечь и жрецов старобожьих не бить. И другим не давать. К худу это.

— Я их и не бил никогда,— покачал головой Мстислав.— То отец мой и брат мой...

Он вспомнил брата своего Ярослава, его строгое лицо, дивно спокойное, когда Ярослав сказал ему там, на поле близ Листвена:

«Моя жизнь — в твоей власти, брат. И я ее принимаю».

— Я не пролил крови брата,— сказал Мстислав.— Я его простил. И смерть братьев наших ему простил.

— А другие — нет. Отец твой стол взял братоубийством! — по-вороньи хрипло каркнул Черномор.— Навлек проклятие на землю нашу и род свой. Вину его христианский бог на себя принял. Но что в том зачатоу в ненависти? Не мог стать преданным сыном тот, кто зачат силком в ночь великой крови. По обычаю Ярослав был в своем праве: мстить за деда, за дядьев, за мать...

— Христос говорит иное,— вздохнул Мстислав.

— Ты веришь? — спросил Черномор.

— Не мне о вере судить,— качнул головой Мстислав.— Мне о людях заботиться. Я — великий князь, но в час беды все ли за мной пойдут? Север помнит Ярослава. Их кровь на клинках моей дружины. Север против юга, христиане против язычников... Нам и умертвий не надо, чтобы кровь лить в уособицах.

— С христианами я договорился,— сурово произнес Черномор.

— Ты? — Мстислав удивился.

Кем только не полагали Черномора: ведуном, колдуном, жрецом вышних... Иные даже — стражем Калинова Моста. Но уж христианином его точно никто не считал.

— Митрополит Киевский Михаил в вере своей тверд. Но не слеп. Проникся. Наложил на богатырские знаки печать Веры.

— Христианской Веры? — уточнил Мстислав.

Черномор кивнул, но уточнил:

— Не обязательно быть христианином, чтобы принять знак. Главное — свобода от Тьмы. А мое плетение сотворит остальное: опознает истинного богатыря, веры родной и земли хранителя, достойного принять и силу, и бремя ее.

— И сколько их, знаков этих?

— Тридцать три. Более не требуется. А от тебя требуется: раздать их верным людям и отправить тех путями Бояновыми.

Мстислав поглядел на спутника, потом — на Тьму, и снова — на Черномора.

— Путями Бояновыми?

— Пророчество,— напомнил тот.

И вдруг заговорил нараспев, будто гусяр:

— Первым из призванных будет он, владыка клинков из закатного края, слуга престола каменного. И страшной станет служба его, и будет она точно замковый камень, выпавший из гнезда.

Проговорил, вздохнул, потер лоб:

— То первый будет, княже. А у второй даже имя названо: Залог. Еще сказано: глаза ее — как солнце в разрыве туч. Влага ее — дар непрошенный, знак ее — птах без имени, ибо неждан приход ее и нет ее в кругу призванных.

— Залог, значит? А у первого даже имя неизвестно.— Великий князь поглядел на чародея. Снизу вверх поглядел, хотя сам роста был немаленького.— И как их сыскать по таким стихам?

— Этих двух искать не надо. Сами найдутся. А где искать третьего — я знаю. Да ты и сам догадаешься.— И опять нараспев: — Сильный духом, верный роду двух рек, двух путей и двух солнц, встанет один против всех, но не падет на него тень крыльев сокола.

— Ты прав,— согласился Мстислав.— Знаю я, о ком речь. И где его искать — знаю. Но захочет ли он сам... отыскаться?

— Найдется,— уверил Черномор.— Ты, главное, воев подбери правильных. Вон Сувору поручи. Он — дотошный. Пусть проследит, чтоб слова правильные наизусть вызубрили. И чтоб с каждым отрядом непременно двое слуг божьих: старой веры и новой. Мы уж с владыкой Михаилом постараемся таких выбрать, чтоб силу имели и меж собой не передрались.

— Три десятка и еще три. Столько по Бояновому стиху. А скольких примут стоячие камни?

— Много званых, да мало избранных... — пробормотал Мстислав, глядя на черные с прожелтью клубы,

накрывшие степь, и вновь поежился. — Думаешь, Сувор? Он для войны хорош. А тут ведь не только воины. Жрецы нужны, монахи. Да так подобрать, чтоб в дороге не передрались.

— Это война и есть. Сувор справится! — отрезал Черномор. — Пришло время богатырей. Их время.

— Их или наше? — спросил Мстислав, не сводя глаз с Тьмы.

— Их, — тихо, почти шепотом, произнес Черномор. — Наше на исходе. — И добавил уже совсем беззвучно: — Здесь — на исходе.

Александр Мазин

Душегуб

Сильный духом, верный роду двух рек,
двух путей и двух солнц, встанет один про-
тив всех, но не падет на него тень крыльев
сокола.

Бояново пророчество. Стих седьмой¹

На крыльцо вышли трое. Немолодой уже, толсто-
усый гридень, с золотой гривной великого князя киев-
ского на груди, черный, как ворона, длинный и тощий
монах и плечистый, с распущенной по плечам гривой
жрец-волох², с посоха которого щерилась по-доброму
собачья голова с ушами-крыльями.

Толпа загомонила. Соседство монаха и жреца людям
было удивительно.

---

¹ Здесь и далее автор эпиграфов Александр Мазин.

² *Волох* — служитель бога Волоха (Волоса, Велеса). — *Здесь и далее примечания авторов.*

— Люд плесковский! Слушай! — закричал глашатай воеводы, дородный, важный, издали похожий на боярина. — Великокняжье повеление! Слушай!

Толпа утихла. Всем было интересно: что киевские скажут? На дай боги, новый налог какой назначили...

Не налог. Хуже.

— Я — голос великого князя киевского Мстислава Владимировича! — грозным басом прогудел гридень. — Он говорит: «Сбывается пророчество Бояново! Истончилась грань между Навью и Явью¹, землей и Преисподней! Порushены границы меж мирами людей и тварей! Злая сила идет на крепость земли Русской! Страшная сила!»

Воин умолк. Эхо его голоса несколько мгновений металось по площади, а потом утонуло в рокоте толпы.

Князь плесковский² Турбой, в крещении Константин, невысокий, смугловатый, лицом и статью более схожий с матерью, чем с отцом-варягом, убитым свеями покойного Ярослава, выждал некоторое время, потом махнул рукой — и, перекрывая шум, поплыл над головами звон вечевого била.

Взвились и закаркали воробы, вечные алчные спутники человеческих толп.

— Тише! — взвился крик глашатая.

— Русь сильна! — рявкнул воин Мстислава. — Великий князь, дружина его, люди его уже встали на пути врагьем! Однако не устоять им, ежели не поднимутся рядом с ними лучшие, богатыри русские, вои славные да люди мудрые, тайны ведающие! Так сказано Бояном Вещим! Так тому и быть!

---

¹ *Явь* — мир живых, *Навь* — мир мертвых.

² *Плесков* — старинное название города Пскова.

— Потому мы здесь, люди плесковские! — подхватил речь воина монах. — Избрать угодных и указать им истинный путь!

Выговор у монаха был правильный. Не ромей, значит. Из русов.

— Говорит Господь: много званых, да мало призванных!

— Нам ваше призвание — до курьей гузки! — пронзительно выкрикнул кто-то из толпы. — Все вы, киевские, под себя тянете! Отощали совсем от поборов ваших!

— То-то ты отощал, Кошель! — хохотнул Турбой. — Аж брюхо в кафтан не влазит!

— А я не за себя! — Крикун протолкался вперед. — Я за люд плесковский радею! Зло, слышь, оно везде лезет, не в одном лишь Киеве ихнем. Вот вчера на выселках упырь мальца уволок! На Ситней гати водяники целый обоз сгубили! А ты — в Киев! Киев ваш и так крепок. А ты еще и воев с нас требуешь! Свой град защитишь, а наш — падет! Так я говорю, люди плесковские?

Толпа одобрительно загудела.

— А еще тати Хилька с зимы озоруют! Людей наших как курей режут! А ты, князь, их извести не можешь! Что молчишь? Я правду говорю!

— Знаю! — рявкнул Турбой. — Перуном... и Христом клянусь: убивцам смерть будет! Скорая и неминуемая!

— Это ж когда будет! — закричали из толпы.

— Киевским — лучших людей, а нашим — пропадать! — завопил Кошель, срывая с головы шапку.

Турбой погладил усы, чтобы скрыть усмешку. Скрыть от киевских.

— Нет тут ваших и наших! — надрываясь, закричал Мстиславов гридень. — Есть вся земля Русская! Она как

крепость, которую оборонить нужно! Но Киев — врата той крепости! На врата — самый страшный удар! Падут врата — вся крепость врагу отдастся!

Его не слушали. Толпа вновь загудела. Похоже, не убедил ее киевлянин.

И тогда вступил волох.

Вскинутый посох сверкнул. Может, сам, а может, солнце отразилось в глазах-рубинах пса-семергла.

— Хорош орать,— вроде негромко, но слышно всем произнес волох.— Не дружину ж мы вашу уводим. Может, одного позовем, может — двух, а может, и никого. Может, и не родила земля ваша годного для лучшей рати. Вы нас услышали. Завтра здесь же ждем охотников. Или... — Волох ухмыльнулся.— Охотниц.

— А если не захочет никто? — Кошель присмирел, нахлобучил шапку на голову, но уняться никак не мог.— С чего бы нашим молодцам денежки тратить да ноги топтать? А если убьют по пути? Сами ж сказали: зло повсюду!

— А затем, что князь Мстислав в дружину к себе зовет! — возмутился воин.— То честь великая!

— А я от себя обещаю: ежели найдется достойный среди вас, людей плесковских, дам я ему на прокорм дорожный гривну серебром и коня! — подал голос Турбой.

Толпа разом успокоилась. Гривна — деньги немалые. А еще и конь. Каждый теперь прикидывал: как бы он употребил это богатство.

— А помимо того, будет ему от великого князя и Господа нашего полное прощение за все, явное и тайное. И велено будет всем власть имущим содействовать в пути, долгов не спрашивать и обид не чинить под страхом княжьего гнева! — выкрикнул уже монах.— И в том

дан будет ему знак великокняжий, в Святой Софии запечатленный!

— А еще оберег волшебный,— вступил волох.— Лично от меня.

— Все слышали, люди плесковские? — не прибегая к помощи глашатая, осведомился Турбой.

В ответ — нестройный, но вполне дружелюбный ропот.

— Охотники на гривну мою и прочие полезности пускай завтра пополудни к детинцу подходят. Там их посланцы великокняжьи пытаться будут!

— А что ж за испытание? — крикнули вразнобой не менее полдюжины плесковцев.

— А простое! — ответил им уже монах.— Годен ты Богу да Добру служить или нет!

— И кто ж такое скажет?

— Бог и скажет! — Монах сделал строгое лицо.— Моими грешными устами!

— А я б, княже, уста медом иль пивом смочил,— вполголоса сообщил Турбою усатый гридень.— Две седмицы в дороге, руки с меча не снимая. В горле от пыли уж кроты завелись.

— Будет,— тоже вполголоса пообещал Турбой.— И питье, и яства, и банька тоже. А скажи: волох ваш, он только женской волшбой владеет или только...

— Я всякой владею,— услышал жрец.— Только бог мой зазря тревожить его не дозволяет.

— Сочтемся,— пообещал плесковский князь.— У меня немного алатырь-камня¹ осталось. Сгодится?

---

¹ *Алатырь-камень* — янтарь. Использовался для языческих воскурений, поскольку горюч.